

Территория отдельного человека в воюющей стране

С писателем из Белоруссии Светланой АЛЕКСИЕВИЧ беседует член редколлегии журнала «Дружба народов» Наталья ИГРУНОВА

Россия - 1995. - 14-20 июня - с. 8

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ

- Светлана, а вы в референдуме участвовали?

- Нет. Я не пошла.

- Почему?

- Все уже было слишком очевидно. Стало ясно, что интеллигенция потеряла в Белоруссии полное поражение. Стало ясно, что нет того народа, который мы себе придумали. Нет реальности, которую мы себе придумали. Нет демократии, о которой мы так много говорили. Впрочем, что демократии нет как факта реальности, было понятно и раньше. Но ведь нет даже представления о том, что это такое. Все, что говорят наши демократы о демократии, никакого отношения к ней не имеет. Европейские представления о демократии, никакого отношения к ней не имеет. Европейские представления о демократии, никакого отношения к ней не имеет. Европейские представления о демократии, никакого отношения к ней не имеет.

оказывается, все сложнее. Есть проблемы объективные - скажем, заводы стоят. Но есть и психологические - многие не говорят: «Дайте возможность заработать», - а требуют: «Увеличьте зарплату...». Недавно всю Белоруссию потряс такой случай: молодая женщина бросилась под электричку. Осталась жива, отрезало обе ноги. Не знаю подробностей, не знаю, что было непосредственным поводом, только то, что писали в газетах: из-за материального положения - работы не было, состояние безысходности. Так получилось, что почти сразу после того, как я прочитала об этом, мне было нужно выйти из дому. Минут двадцать пять шла по городу пешком - мимо стоматологической поликлиники, где висело объявление: «Требуются санитарки и уборщицы», мимо столовой, где висело объявление: «Требуются посудомойки и уборщицы». В моем дворе требуются дворники. Почему нужно было в сорок лет умирать от голода и бросаться под

ждения белорусской нации... Но я все-таки думаю, что замыкаться нельзя, и не представляю, чтобы Белорусия повернулась, скажем, в сторону Польши. Русская культура нам все-таки ближе. Это мой взгляд. Сейчас много разных мнений.

- Самые популярные - ориентация на Запад или на Союз?

- На Союз, на Россию. Ориентация на Запад исходит из национальной интеллигенции, считая, что это путь к спасению. Но народное сознание ориентировано на Россию. Это и референдум показал.

- Насколько интеллигенция по настроениям сейчас едина?

- Единой интеллигенции нет. Если я говорю об интеллигенции, то имею в виду лишь небольшую ее часть, которая активно пытается влиять на политические процессы. Парламент? Церковь? Такое ощущение, что это место отводила интеллигентная власть, а не сама интеллигенция его отводила. Когда же

- Если бы Позняк пришел к власти, появился бы шанс создать национальное отдельное белорусское государство.

- А какой ценой этот шанс был бы реализован?

- Вот здесь-то как раз и проблема. Думаю - очень дорогой ценой. Боюсь, повторился бы вариант семнадцатого года, когда горстка интеллигентов, которая стала партией власти, внедрялось железное счастье. Они предлагают прибалтийский путь - самостоятельное государство с поворотом к Европе. Но к такому историческому пути, на мой взгляд, белорусское национальное сознание не готово.

- Только сознание? А экономика выдержит?

- Я была недавно в Риге. Все завалено западным ширпотребом. Я не думаю, что Европе нужна литовская сметана или латвийские консервы. И очень сомневаюсь, что Европе будут так уж необходимы наши холо-

странты несли портреты Ленина и Сталина. И молодежь со своими флагами с «Погоней» - государственными еще тогда, до референдума, - жалась по краям. Для старшего поколения это был день торжества социализма. Хотя я думаю, что могут использовать обещания вернуться в социализм в политических целях, но возврата туда нет.

- А вообще люди в Белоруссии сейчас политической живут?

- Нет. Все это происходит в очень тонком слое. А глубже идет народное бытие.

- Борьба за выживание?

- Это очень жестко сформулировано. Хотя колхозы где-то на грани, и если они развалятся, будет катастрофа. Выручают подсобные хозяйства. Люди пока еще способны себя прокормить. А живут - как веками заведено: родился, женился, замуж пошла... Политические фигуры мелькают, а стихия народной жизни существует сама по себе. Правда, вот появляется такой Стенька Разин, крестьянский герой, и на какое-то время привлекает к себе интерес... В деревне, где жили мои родители, какой-то мужик (тракторист, кажется) сказал: «Никому нельзя верить. Я так верил Лукашенко, а при нем уже три раза водка дорожала». Вот критерий.

Как я понимаю, вопрос о власти решает не народ - кучка людей. Что, в семнадцатом народ решил?

- Ну, потом, после переворота, основная масса - в силу разных причин - поддержала все-таки именно их.

- В связи с этим как не вспомнить Хлебникова? Наши идеи справедливости всегда кончались таблицей умножения трупов?

- Меня когда-то поразила другая его фраза, тоже «по теме»: «Первая заглавная буква свободы так часто пишется чернилами смерти». Светлана, за всей этой - вот уж точно - «злойбы дья» Чернобыль отомшел на второй план?

- Для меня - нет. Я последние годы только и занимаюсь книгой о Чернобыле. А вообще в Белоруссии - да, отошел. Переплюснули две катастрофы: социальная и космическая. Глобальные, затронувшие интересы всей планеты и всей России и бывшего Союза. Более понятна социальная катастрофа. А что касается Чернобыля, что после Чернобыля мы живем в совершенно другом мире. Во всем, в котором стало ясно и понятно, что третья мировая война называется «Чернобыль». Я могу сказать, что люди, о которых я собираю сведения, пишу, видели ядерную войну. Книга называется «Чернобыльская молитва о будущем». Это то, что человечество предост.

Приехала в воюющую страну. Полный зал. Книгу эту было очень трудно писать, знаю, что ее трудно читать, но видеть все на слух еще тяжелее. По-моему, какую-то женщину даже увезли на «скорой помощи». Плачут. Долго стоят после спектакля. Подходят, рассказывают: у кого-то сын погиб в Афганистане, у кого-то забрали сына в Грозный... Когда начинаешь об этом думать, возникает желание отделиться от России. Не хочется этого участвовать. Хотя я все-таки за сильно. славянское государство украинцев, белорусов и русских. Вся Европа строит общий дом. Почему славяне не могут объединиться и жить вместе - непонятно. Почему, если ты об этом говоришь, - ты изменил своей малой родине?.. Этого я после Чернобыля тоже не понимаю. Чернобыль абсолютно ясно показал, что Земля совсем маленькая. Что мы - даже не русские, таджики, узбеки, белорусы, мы - представители одного биологического вида, который может быть уничтожен, как бабочка или жучок... Мне труднее представить себе тесный союз с исламскими республиками, очень уж разные цивилизации, но почему славянские государства не могут быть вместе?.. Конечно, были исторические обиды, но надо же понимать, что живут совсем другие поколения. Я не могу сегодняшнего немецкого мальчишку винить за сорок первый год. Он в этом не повинен. Тогда почему у украинцев и белорусов стыж к современным русским? Почему нужно винить их в том, что сделали Богданом Хмельницким или Екатериной?

Недавно сняли фильм по последней моей книге - о суицидах - «Крест». Герои его - Маршал Советского Союза С.Ахромеев, поэт Ю.Друнина, защитник Брестской крепости Т.Зинатов. Фильм, скажем так, небаррикадный. Мы рассказали о трагическом смысле человеческой жизни. О том, что мы болны справедливостью, несем крест справедливости, о том, что позвали - омытая кровью огромная братская могила, что человеческая жизнь - такая короткая... В одном из стихотворений наш поэт Рыгор Бородин написал, что вся жизнь уместится между взмахом крыла и лопатой: рождением, ангелом - и могилкой.

- Ангелом или - что, мне кажется, ближе и очень «земной» поэтике Бородину, и национальной белорусской поэтической традиции, - анимом. Но это к слову. Скажите прекрасно.

- И без того крошечная жизненная территория была ограничена красными флагами. Мы говорили об этом в фильме как о трагедии. Знаете, Наташа, очень интересно, как фильм воспринимается. На Западе он трогает людей. Молодое поколение - тоже. Но многие из тех, кого я люблю, особенно «шестидесятники» - возмущались: как вы могли снять такой фильм, его же используют в качестве аргумента газета «Правда»?.. Я отвечаю, что читаю газету «Правда» и газету «Завтра», чтобы знать, что думает определенная категория людей в России, хотя это и не близко мне взгляды. Но я не хочу сетовать близки ли на какой стороне баррикал. Коммунист, демократ... Под крышковой гроб, перед трагедией человеческой жизни все это чепуха.

Лет десять-пятнадцать назад я могла сказать отцу - он фронтовик, коммунист, учитель истории, был директором школы: «Учитель вы могли? Был ГУЛАГ, твоих друзей сажали... Как ты мог молчать?» Теперь я таких вопросов не задаю. Теперь у меня можно спросить: «А как вы можете?»

Мы все время живем м е ж д у какими-то историческими событиями и не понимаем, что сама ж и з н ь может заполнить отведенное нам время. Я становлюсь все менее общественным человеком. И политические баталии, и их участники в конце концов начинаешь оценивать с точки зрения человеческой психологии. После войны в Югославии, после Чечни... Едешь в такси в Петербурге, обсуждаешь со спутником премьеру, вдруг шофер оборачивается и спрашивает, о каком спектакле мы говорим. Узнав, что об Афганистане: «Я там был». Спрашивает, смотрит ли фильм, спектакли об этом? Нет, не смотрит и книжек не читает. И через пару минут, помолчав, внезапно: «Да, друг мне недавно звонил, звал пострелять» - «Куда?» - «В Чечню». Там, говорят, Лудас 800 баксов платит в день». «Что значит - пострелять? В кого? В русских?» - «А это, - говорит, - работа». О чем тут начинаешь думать? Не о политике, а о природе человеческой.

- И о политике все-таки тоже. Это ведь не звериная жажда крови, после того как однажды горячий поповолол. Он не убивает едет, а зарабатывает. Этот психологический слом спровоцирован и безбожием (шире - безверием), и жесткой экономической ситуацией, и демагогией политиков, и воинственным шинэмом нуворшей, создающих капитал из воздуха, и обвалом насилия безаказанного... И - что, может быть, самое страшное, отношением всех нас к этой войне. Идет война, а мы как жили, так и живем. Вот вы говорили - ГУЛАГ... Тогда информации не было, люди почти ничего не знали, а мы-то все, что происходит в Чечне, видим, все на наших глазах. Кто-то в душе ужасается. А кто-то вот так, вполне «по-деловому», хочет использовать момент...

- Сознание просто отстывает. Я не уверена, что сегодня могут родиться какие-то литературные сюжеты, настолько дьявольская реальность.

Фото Владимира БАЗАНА

В Белоруссии переплелись две катастрофы: социальная и космическая - Чернобыль

электричку?.. Я бы еще поняла, если бы от несчастной любви. Что-то с нашим сознанием не в порядке. Наше прошлое было гибридом деспота и тюрьмы. Отсюда - разращенность представления о человеческом достоинстве. Огромное количество людей, не знающих собственной цены, своих возможностей, не имеющих четкой самоидентификации.

В Германии в одной из деревень простые немцы решили пригласить из белорусской чернобыльской зоны 20 детей с матерями. Я оказалась там вскоре после их отъезда. Немка, с которой я разговаривала, стеснясь, рассказала, что в первый же вечер, когда привезли продукты, эти женщины сказали, что готовить не будут, не затем приехали. Им никак не могли объяснить, что это не власти, не организация, а конкретные сто человек собрали деньги на их отдых. Повара нанять не на что. Кончилось тем, что немцы установили дежурство и готовили для них. А женщины не знали, чем заняться, и обижались, что их мало возят на экскурсии. Потом стали обижаться, что детям чаще других фруктов дают яблоки - яблоки они и в Хойниках могут съесть...

Все это свидетельствует о нашей психологии. И я думаю, как раз здесь причина того, что происходит возврат к социалистическому варианту развития. Белоруссии уже вернули социалистический флаг, социалистический герб и праздник Великой Октябрьской социалистической революции. И, судя по тому, как развиваются события, это просто произошло немного раньше, чем у вас, в России.

Референдум состоялся. Президент получил поддержку около 80 процентов населения. А парламента, видимо, до осени не будет - в подавляющем большинстве округов должны пройти повторные выборы.

- Если бы вы участвовали в референдуме, вы бы на все вопросы ответили «нет»?

- Нет, я бы, конечно, голосовала за интеграцию с Россией.

- А по поводу государственного языка?

- Наверняка меня многие в Белоруссии не поймут, но я считаю, что сейчас нереально сделать единственным государственным языком белорусский.

- А что-то с положением белорусского языка изменилось в последние годы? На уровне не государства, а опять же отдельного человека.

- Очень немного. Появились молодые люди, прекрасно владеющие языком, но за этим не столько дух национального возрождения, сколько стремление приблизиться к элите.

Наши писатели обижаются, что их не переводят на Западе. Но не хотят признать, что читатели открывали нас через русский язык. В то же время я понимаю, что в такой жесткой конкуренции с русским языком и американской мультимедийной яркой ли у белорусского языка есть реальная возможность возродиться. Ситуация трагическая. Нельзя создать «резервацию» и ограничить народ единственным языком, единственной культурой. А с другой стороны - это последний исторический шанс для возро-

давно уже никакие новости из республик бывшего СССР не вызвали такого живого любопытства у рядовых российских граждан и столь оперативной ответной реакции политиков, как сообщение об итогах референдума в Белоруссии. То, что Дума предложила одновременно с парламентскими выборами в декабре нынешнего года провести «ответный» референдум о создании единой федерации России и Белоруссии, а государственные мужи на практике занялись выкапыванием пограничных столбиков, разделяющих наши страны, только подогрело интерес.

Проще поменять флаг, герб. Гораздо труднее решить проблемы с землей, с собственностью, труднее определиться: что же мы строим?

появилась свобода выбора, она добровольно отказалась от этой роли. Кто-то ушел за границу, кто-то ушел в свои проблемы. Звучит банально, но все-таки скажу: нужно становиться профессионалом, чтобы выжить в новой действительности.

- Но и профессионалам тяжело. Мне рассказывали, как хоронили весной Пимена Емельяновича Панченко, поэта, к сожалению, недостаточно известного в России. Говорят, писатели собирали деньги на похороны - в доме денег не было? Пояснил для читателей: пожалуй, только к Василью Быкову и прекрасной актрисе Стефании Становой в Белоруссии относятся с такой любовью и уважением...

- Так ведь за это не платят!..

Когда я слышу, как ругают западные фонды, у меня чувство, что я сама не понимаю, чем нам нужно помогать. Помощь как милосердие? Теперь я не уверена, что важнее: помогать выживать или спонсировать конкретные идеи. Помогать выживать должно наше государство. Во всяком случае, наш бедлам никто, кроме нас, чистить не будет.

дильники.

- Светлана, а какие-то реальные демократические - употребим все-таки это слово - политические силы между двумя послами: Александром Лукашенко и Зеноном Позняком - существуют?

- Существуют, но заметного влияния на политическую ситуацию не оказывают. У них нет той бешеной политической энергии, того темперамента, острейшего борьбы, которые есть и у Позняка, и у Лукашенко.

Люди, долго жившие в тоталитарном обществе, любят дисциплину, у них есть готовность к повиновению. Но, во-первых, в прежнем виде воссоздать это уже невозможно и, во-вторых, вряд ли можно решить современные экономические проблемы лишь усилением производственной дисциплины. Проще поменять флаг, герб. Гораздо труднее решить проблемы с землей, собственностью, труднее определиться: что же мы строим? Я долго представляю, как можно от социализма перейти сразу в капитализм. Попробовали - и получили какой-то дикий его вариант. Социализм и рынок - от их совмещения самое устойчивое сознание отступило. Может, лучше все-таки было путем образцов шведскую модель, идти путем социал-демократии? Возможно, он оказался бы ближе и понятнее людям... Немцы восточные и западные сегодня - два разных народа. У нас, с одной стороны, - хоромы, «инюмарки» кичащихся богатством «новых русских» (скажем так, имея в виду все народы бывшего СССР), а с другой - агрессивность обнищавшей массы людей.

- В появлении фашизма винят современных фашистов.

- В появлении фашизма нужно винить современных политиков, все эти бесконечные партии, которые бездумно развалили то, что существовало, и не предложили ничего взамен. Это, конечно же, спровоцировало человеческую природу.

- Странно, что есть основания говорить о фашистах в Белоруссии, России, где столько жизни унесла война. А как праздновали 50-летие Победы в Белоруссии?

- Это было очень грустно, как и везде. Хотя в Белоруссии ветераны, мне кажется, чувствовали себя, как в лучшие советские времена. Они были окружены вселенскими знаками внимания. Официальная церемония прошла под красными флагами, демон-

объяснить, сделать массовым опыт выживания.

- А на помощь государства еще надеются?

- Ну, к тому, что делает государство, у меня отношение сложное. Наш президент ездил по Чернобылю, вел себя как большой знаток атома, заявил, что там жить можно. По-моему, какая-то часть земель включается в севооборот (Хотя тайно и раньше включали). Вместо того чтобы честно сказать людям: мы нищие, нас оставили один на один с Чернобылем, спастись, - говорить, что все в порядке?.. Мне кажется, это политический цинизм.

- Он действительно так говорил, это было где-то напечатано?

- Да. Правда, кто-то возразил: мы вам поверим, если сюда придут жить ваши дети. Чернобыль не осмыслил, и человекство не готово осознать, что с ним произошло. Многие чернобыльские земли, откуда белорусы уезжают, оставаясь заколоченные дома, заселяются беженцами из «горячих точек» бывшего Союза. В один из приездов спрашиваю женщину беременную: «Как вы могли сюда приехать? Поехали бы вы рожать туда, где чума или холера?» И вот очень характерный ответ: «Я знаю один, самый страшный страх - это война. Когда один человек убивает другого». Она приехала из Таджикистана. Чернобыльский страх действительно из другого времени, у него другой язык.

Не дело интеллектуалов быть властью или бороться с властью. Осмысливать процессы, подходы к жизни - вот что мы должны делать. Должны дать человеческой душе ориентиры, чтобы ее не захлестнули какие-то уже буквально космические размеры зла. А мы все спорим друг с другом: кто «зав» Ельцина, кто «против».

- Поупуто? В Белоруссии интересуются тем, что происходит здесь, в России?

- Да, интересуются. У нас совершенно четкое представление о том, что Белоруссия - маленькая республика, зависящая от России. И если у вас что-то начнется, нас просто затянет в воронку тем же вихрем.

- А Чечню как-то комментируют?

- Конечно, осуждают. В конце апреля меня пригласили в Петербург на премьеру спектакля по «Динковим мальчикам». Впервые было ощущение, что я из другой страны.

Александр ЛУКАШЕНКО

ловно, даже жесткость и категоричность одобрили - как бескомпромиссную решимость бороться за национальные интересы Белоруссии.

- На одном из последних парламентских заседаний Народный фронт объявил голодовку против проведения референдума. Ночью их избил ОМОН и вышвырнул из здания Верховного Совета. На следующий день они выступили в парламенте с обращением, где говорилось, что Белоруссия на грани гражданской войны, призвали поддержать оппозицию. И что же? К зданию парламента пришел буквально десяток человек... Народ сегодня слушает только президента.

- Тоска по свободе, о которой вы говорили...

- ...это тоска интеллигенции.

- А результаты референдума показали как раз тоску по несвободе, по хозяйно, сильному лидеру, способному взять на себя ответственность за судьбы и обеспечить безбедное существование своего народа? Это, как считают социологи, характерные настроения и в России.

- Можно сказать так: интеллигенция тоскует по свободе, а народ тоскует по порядку. Существует почва для тоталитаризма и фашизма. Демократическими силами время утеряно. Я не знаю, какая нужна цель и какой лидер, чтобы восстановить то место, которое занимали демократические идеи в умах людей еще несколько лет назад.

- Видимо, это прежде всего связано с тем, что принято именовать экономическими трудностями?

- Это связано, конечно, и с экономическими трудностями - с очень высокими ценами, с тем, что экономические проблемы, по большому счету, не решаются, но это связано и с тем, что демократы не предложили никаких реальных путей развития страны.

- А в жизни обычного, «нормального», «рядового» человека что-то изменилось за последние годы в Белоруссии? Люди ведь судят о власти по тому, как они при ней живут.

- Да, конечно. Прилавки полные. В Минске - богаче, в провинции - беднее, но в принципе, если есть деньги, ты можешь купить все. Это уже выбор. Казалось бы: необходимо желание заработать деньги. Нет,

Зенон Позняк - лидер Народного фронта Белоруссии.

- А Позняк способен «расчистить», то есть начать предложить что-то продуктивное? Схожего типа лидеры приходили в постсоветские годы к власти в странах бывшего СССР - в Литве, Азербайджане, Грузии... и не удерживались, теряли поддержку народа.

появилась свобода выбора, она добровольно отказалась от этой роли. Кто-то ушел за границу, кто-то ушел в свои проблемы. Звучит банально, но все-таки скажу: нужно становиться профессионалом, чтобы выжить в новой действительности.

- Но и профессионалам тяжело. Мне рассказывали, как хоронили весной Пимена Емельяновича Панченко, поэта, к сожалению, недостаточно известного в России. Говорят, писатели собирали деньги на похороны - в доме денег не было? Пояснил для читателей: пожалуй, только к Василью Быкову и прекрасной актрисе Стефании Становой в Белоруссии относятся с такой любовью и уважением...

- Так ведь за это не платят!..

Когда я слышу, как ругают западные фонды, у меня чувство, что я сама не понимаю, чем нам нужно помогать. Помощь как милосердие? Теперь я не уверена, что важнее: помогать выживать или спонсировать конкретные идеи. Помогать выживать должно наше государство. Во всяком случае, наш бедлам никто, кроме нас, чистить не будет.